

Глава 3. Из Северо-Востока в Нанкин

Вэнь Ле шел на эту встречу с твердым намерением — лишь взглянуть одним глазком и разойтись. Однако в Наньгун Хуэе было нечто притягательное, что-то, чему трудно было подобрать название. Быть может, дело в этой солнечной улыбке? Или в особой ауре, сквозившей в каждом его слове?

Вэнь Ле по натуре был неисправимым пессимистом. Он осторожно подавлял в себе ростки симпатии, неустанно твердя: «Сохраняй холодную голову. Перед тобой безработный, он курит и ночи напролет просиживает в интернет-кафе».

Обладая тонкой, чувствительной душой, он жаждал любви, но при этом был до крайности придиричив. Вэнь Ле часто шел навстречу новому человеку с ворохом надежд и мечтаний, но стоило столкнуться с парой-тройкой невыносимых мелочей, как наступало разочарование, и он сдавался. Поэтому он придерживался железного правила: никаких интимных отношений раньше, чем через две недели знакомства. Понимание требует времени, как и взаимная притирка. В делах сердечных спешка — плохой союзник.

— Твой дом так далеко, — небрежно заметил Вэнь Ле, прощупывая почву. — Как же тебя занесло в Нанкин?

Подобные ненавязчивые расспросы были его сильной стороной.

— Пять лет назад к нам в училище приехали представители одного нанкинского курорта, — начал Наньгун Хуэй. — Мест было всего два. На собеседовании менеджер Чжун, который за всё отвечал, проникся ко мне симпатией, ведь я оказался единственным, кто представился на чистом английском. Он сказал, что мне во что бы то ни стало нужно выбраться из глуши, увидеть мир, вдохнуть воздух мегаполиса. Нанкин — древняя столица шести династий, сочетание глубоких культурных традиций и современного управления. Для моего роста это был идеальный шанс. Я загорелся этой идеей. Сказал себе: пусть претендентов больше тысячи, а мест всего два — я выгрызу эту возможность!

Наньгун Хуэй перевел дыхание и продолжил:

— Но начальник учебной части Чжан и сам директор встали на дыбы. Мне оставался год до выпуска, никакой практики за плечами, диплома нет, да и оценки средненькие. Кроме английского, который я обожал и знал на отлично, по остальным предметам я не блистал. Но менеджер Чжун настаивал: ему нужен именно я, и он готов забронировать место, даже если у меня нет корочек. Я несколько раз ходил к Чжану, но тот переводил стрелки на директора. А директор твердил одно и то же: «Это решение училища, учись спокойно, попробуешь в следующем году».

Три дня пролетели как один миг. Менеджер Чжун очень сожалел; училище навязало ему двоих выпускников, хотя их английский и в подметки моему не годился. В последний день я просто ворвался в кабинет директора и выложил всё, что думаю. Я спросил его: «Вы директор, разве

ваша главная цель — не растить таланты? Перед вашим студентом открылась дверь, которая, возможно, бывает раз в жизни, а вы душите его мечту в зародыше! Как у вас рука поднимается? Разве нельзя пройти практику последнего года в Нанкине? Дайте мне шанс, и я буду благодарен вам до конца дней, это зачтется вам как доброе дело. Но если откажете — я буду ненавидеть вас вечно. Вы сейчас рушите мое будущее! Да, в следующем году снова будут ярмарки вакансий, снова приедут кадровики, но будет ли это такой город и такая компания? И захотят ли они именно меня? Неужели вам не будут сниться кошмары? Как вы сможете спать, зная, что сломали жизнь парню, которому нет и двадцати?»

Спустя столько лет, рассказывая о прошлом, Наньгун Хуэй всё еще кипел той же страстью, словно снова стоял в кабинете директора, отстаивая свои права. Вэнь Ле был тронут. Он вырос в семье интеллигентов, где отец свято верил, что «палка рождает послушание». С малых лет Вэнь Ле трепетал перед любым авторитетом, привык смиряться и плыть по течению. Он краснел, просто разговаривая с учителями, не говоря уже о том, чтобы качать права или сыпать обвинениями. Смелость и напор Наньгун Хуэя заставили его вздрогнуть от восхищения.

— Менеджер Чжун уехал, забрав с собой парня и девушку с выпускного курса. Перед отъездом он шепнул мне, что постарается выбить еще одну ставку и придержит её для меня месяц. Но что я мог сделать? После той ссоры с директором я ни на что не надеялся. На душе было паршиво, сердце словно в тиски зажали. Неделью я только и делал, что играл в баскетбол, а ночи напролет торчал в игровых клубах. И вдруг прибегает одноклассник: «Тебя начальник Чжан из учебки зовет». Я пришел, а он мне с порога: «Училище дает добро на твой отъезд в Нанкин».

Нужно признать, красноречия Наньгун Хуэю было не занимать. Простой рассказ о переезде превратился в захватывающую драму с крутыми поворотами. Вэнь Ле заметил, что, несмотря на бессонные ночи, кожа Наньгуна не выглядела серой и безжизненной, как у многих заядлых полуночников. Если не считать пары прыщиков, она была гладкой и упругой, покрытой легким, едва заметным пушком. Когда Наньгун увлекался рассказом, он начинал активно жестикулировать, и весь его облик наполнялся удивительной живостью. Вэнь Ле, глядя на его яркие губы и белоснежные зубы, на мгновение даже потерял нить разговора.

Этот парень совсем не вязался с образом типичного безработного бродяги. У Наньгун Хуэя была отличная база: подвешенный язык, недюжинная храбрость и амбиции. И, если верить его словам, приличный английский.

— И ты сразу сорвался в Нанкин? — улыбнулся Вэнь Ле.

— А вот и нет, я отказался! — отрезал Наньгун. — Я заявил им: «Когда менеджер по кадрам был здесь, вы упирались. Теперь он уехал, и вы предлагаете мне добираться самому? Я студент, вы — преподаватели, я обязан вас слушать. Но как вы можете так играть моей судьбой? Всё, я передумал, никуда не поеду!»

Вэнь Ле не смог скрыть удивления. Этот Наньгун обладал поистине ершистым характером.

— И что же тебя переубедило?

— Чжан оказался дельным мужиком. Он сказал, что, несмотря на все прошлые обиды, сейчас директор, куратор и учебная часть обсуждали мой вопрос четыре часа подряд. Ради меня пошли на беспрецедентный шаг: разрешили уехать и вернуться через год только на экзамены за дипломом. Это исключение из правил, милость, если хочешь. Раз я так дорожил этим шансом, глупо было бы губить всё из чистого упрямства и обиды. Поквитаться с ними можно было только одним способом — поехать в Нанкин, вкалывать там за троих и доказать всем, чего я стою. Я подумал — а ведь он прав. Собрал вещи и через неделю был здесь.

Внезапно Наньгун Хуэй прервал свой монолог:

— Ой, прости, я тут всё о себе да о себе тарыхчу. Расскажи лучше ты, как поживаешь?

— Я? — Вэнь Ле пожал плечами. — Мне особо и похвастаться нечем. Родители — педагоги и врачи, коренные нанкинцы. Здесь родился, здесь вырос, закончил университет и здесь же работаю. Моя жизнь не знала таких бурь, как твоя, — всё шло строго по расписанию.

— Это же замечательно! Многие мечтают о такой стабильности. Что хорошего в вечных скитаниях?

— Хорошо ли? Не знаю, — задумчиво произнес Вэнь Ле. — Всё в моей жизни было решено заранее. Я никогда ничего не планировал сам, ничего не изобретал, ни за что не боролся. Даже работу нашел отец через знакомых. Я бы, наоборот, хотел быть похожим на тебя — сорваться в чужой город, где тебя никто не знает, и прокладывать путь самому.

Наньгун Хуэй широко улыбнулся, сверкнув ослепительно белыми зубами:

— Знаешь, в Нанкине мне пришлось несладко, я хлебнул горя. Но оно того стоило.

Он действительно любил улыбаться. И, надо признать, его улыбка была по-настоящему лучезарной.

<http://bllate.org/book/18179/1746585>